

Генрих Али Баба

1. РЖАВЫЙ СКРИПТ

Генрих Баба

1. Ржавый Скрипт

<https://litres.ru/74584997>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мрачном подземном мегаполисе Folder-City, построенном на руинах оцифрованного прошлого, человечество существует в жестких границах тотального контроля Канцелярии Забытых Формуляров. Любая личная память и неудобные данные стираются растворителем и огнем, а люди превращаются в биомеханические накопители.

Генрих Апи Баба

1. Ржавый Скрипт

Глава 1

Дан спускался по ржавой, источенной сыростью лестнице шахты Folder-City, и каждый его шаг отзывался гулким металлическим лязгом, разносившимся по узкому вертикальному колодцу, будто сама шахта считала эти шаги и запоминала их для кого-то другого. Под массивными подошвами тяжелых рабочих сапог с хрустом крошились сколы кремниевой породы, густо переплетенные с истлевшими шлейфами, пыльными оптоволоконными нитями и спутавшимися витыми парами. Этот мертвый технологический пласт тянулся на многие километры вглубь earth-матрицы, храня в себе погребенные останки давно рухнувшей эпохи — эпохи, о которой Дан знал только по обрывкам чужих файлов да по рассказам старших добытчиков, которые сами толком ничего не помнили.

Воздух в шахте был тяжелым, спертым и горячим. Он пах пережженным пластиком, вьедливым машинным маслом и горьким, колющим ноздри озоном — верным признаком приближающейся электростатической бури. Дан давно научился различать этот запах загодя, за час, а то и за два до того, как небо над секторами начинало полыхать, и сейчас, втягивая воздух сквозь плотную тканевую повязку на лице,

он понимал: времени у него в обрез.

Сверху, из открытых технологических проемов и полуразрушенных межэтажных перекрытий, доносился нарастающий гул. Начинался Шумовой Шторм. Дан поднял голову и взглянул сквозь стальные решетки верхних ярусов. Небо над Folder-City наливалось мерцающим, ядовито-синим свечением, похожим на свечение колоссального, неисправного дисплея. Это не была природная гроза. В электростатическом слое атмосферы, скапливаясь над вершинами полуразрушенных секторов, кипели тысячи застрявших во времени голосов, несохраненных голосовых сообщений, обрывков старых телефонных разговоров и забытых цифровых обрывков фраз. Все они сливались в единый, оглушительный, хаотичный вопль, от которого закладывало уши и вибрировали зубы, а где-то под ребрами отдавалась глухая, тревожная пустота — так бывает, когда слышишь чужую боль слишком близко.

Дан остановился на узкой металлической площадке между пролетами, чтобы перевести дыхание. Сердце колотилось о ребра, а в груди от постоянного вдыхания кремниевой пыли жгло нестерпимой сухостью. Он прислонился плечом к холодному поручню и на мгновение прикрыл глаза, слушая, как гул наверху становится плотнее, тягучее, словно кто-то медленно закручивал невидимый вентиль. Под плотной кожаной перчаткой на правой руке внезапно возникла резкая, пульсирующая боль. Дан поморщился, расстегнул ремешок

и отогнул засаленный манжет — движение, которое он проделывал уже сотни раз, и всякий раз с одинаковым, тупым страхом.

Тонкие красно-коричневые линии под его кожей пролегли все глубже, расползаясь от запястья к локтю подобно гибриду венозной сети и микроэлектронных дорожек. Проклятый Синдром Металлического Окисления. Ржавчина разъедала его организм изнутри, превращая живую плоть в разрушающийся окисел. Каждое движение кисти давалось с трудом, сопровождаясь внутренним, еле слышным хрустом, будто где-то в суставе перетирался песок. Дан знал, что эта болезнь нещадно забирает добытчиков одного за другим — он видел это на чужих руках, на чужих лицах, — но привыкнуть к виду собственных разрушающихся тканей было невозможно.

Шумовой Шторм сверху достигал своего пика. Беспрерывный гул и треск электрических разрядов казались невыносимыми, вжимались в виски. И вдруг сквозь этот закладывающий уши вопль миллиона чужих ртов, сквозь наслоения древнего цифрового мусора в Синем Шторме отчетливо и чисто, прямо над его ухом, прозвучало:

— Дан...

Дан мгновенно замер. Пальцы на поручне лестницы судорожно сжались, впиваясь в ржавую сталь. Холодный пот выступил на лбу, мгновенно остывая на сквозняке. Никто в нижних секторах не знал его настоящего имени. В этих мрач-

ных глубинах все обращались друг к другу по номерам жетонов или случайным кличкам. Вокруг не было ни души — только безликие, угрюмые добытчики в нижних штреках, да бесконечная, шуршащая от осыпающегося кремния и мелкой стружки толща породы.

Звук не был похож на эхо или случайное совпадение фонетических шумов. Зов обладал мягким, слегка искаженным женским тембром и прозвучал так, будто тот, кто звал, стоял за его спиной в этой темной, пахнувшей озоном шахте. Дан медленно оглянулся, вглядываясь в густую тень под лестничным пролетом, но там не было ничего, кроме свисающих пучков оборванных кабелей и мерцающих в синей тьме редких искр статичности.

Глава 2

Шахта №404 уходила глубоко в недра Нижнего Города, пробивая древние пласты Оцифрованного Мезозоя. Здесь, на сотни метров ниже уровня тонерных болот, земля состояла из спекшейся кремниевой породы, в которую намертво вросли древние материнские платы, полурасплавленные корпуса серверов и застывшие стеклянные жилы оптоволокон. Воздух на этом горизонте был настолько тяжелым и сухим, что каждый вдох отзывался металлическим привкусом на языке, а от каждого удара киркой в воздухе зависали облака едкой, мерцающей в темноте пыли, оседавшей на коже тонкой серебристой пленкой.

Дан работал осторожно, сдерживая резкие движения, чтобы не повредить породу понапрасну. Он давно приучил себя слушать камень — по звуку удара можно было понять, есть ли внутри полость, старый носитель или просто мертвая, ничего не хранящая порода. Его специализацией среди добытчиков были «мягкие данные». В отличие от тех, кто выкапывал стандартные синтаксические библиотеки, системные драйверы или жесткие куски технического кода для переплавки в утиль, Дан искал личную память. Осколки человеческих эмоций, забытые дневники, домашние архивы — все то, что когда-то составляло частную жизнь давно исчезнувших людей. Это была работа, которую многие считали пустой тратой сил: такие находки платили меньше, чем технический утиль, и все же Дан не мог заставить себя копать иначе.

Тяжелое острие его кайла с глухим звоном возилось в очередную кремниевую жилу. Звякнула сталь, наткнувшись на что-то твердое и монолитное. Дан замер, вслушиваясь — звук был не такой, как от обычного обломка платы, глуше, объемнее. Он отложил инструмент и аккуратно, руками, защищенными плотными перчатками, стал расчищать место от мелкого крошева, ссыпая его в сторону короткими, выверенными движениями. Из породы вывалился остеклевший, слегка оплавленный физический носитель — увесистый кусок накопителя старого образца, обросший минеральными отложениями, будто закованный в собственный

каменный панцирь.

Смахнув пыль тыльной стороной ладони, Дан достал из набедренного чехла портативный ридер — потертый, скрепленный изолентой прибор с тусклым черно-зеленым дисплеем и гибкой универсальной шиной. Подключив контакты напрямую к открытым дорожкам носителя, Дан затаил дыхание, как делал это всегда в этот короткий момент неизвестности. Ридер сдавленно зашумел, экран замигал, пробивая толщу поврежденных секторов, и наконец высветил зернистое видео низкого разрешения.

На экране вспыхнул интерьер небольшой, уютной комнаты, залитой теплым светом. На фоне книжного шкафа сидела уставшая женщина с темными волосами и глубокими тенями под глазами. Она смотрела прямо в объектив камеры с невероятной, щемящей тоской и говорила, едва сдерживая дрожь в голосе:

— Если ты это нашёл — значит, они всё-таки начали стирать нас...

Запись с треском оборвалась, сменившись рябью хаотичных пикселей. Дан немедленно выдернул штекер ридера, пока поврежденная секция не сгорела окончательно, — движение отработанное, почти инстинктивное. Это был отличный, редчайший улов. В бедных кварталах Folder-City личные данные мёртвых людей ценились крайне высоко — их перекупали для создания нелегальных эмуляторов или развлечения скучающих торговцев Верхнего Уровня.

Поднявшись на поверхность, шурясь от непривычного, хоть и тусклого света, Дан сдал носитель местному скупщику в трущобах за горсть тонерных картриджей и пару питательных рационов. Но когда он вернулся в свою тесную каморку, расположенную в переплетении вентиляционных труб, и лег на жесткие нары, сон так и не пришел к нему. Стоило ему закрыть глаза, как перед взором со всей четкостью снова и снова всплывало лицо той женщины из видео. Ее голосок, ее уставший взгляд будто застряли где-то в задворках его сознания, тесня привычные мысли о еде, усталости и завтрашней смене. Файл каким-то неведомым образом просочился сквозь контакты ридера и записался в его собственный мозг, отзываясь тупой болью в затылке.

Не выдержав, Дан поднялся, подошел к мутному зеркалу, висевшему над умывальником, и посветил тусклым фонариком на правое предплечье. Отогнув рукав, он замер от неожиданности. Ржавые линии Синдрома Металлического Окисления изменили свою форму. Они больше не выглядели как хаотичный, болезненный рисунок отторжения тканей и мелких имплантов. Красно-коричневые окислы выстроились под его кожей в четкие, угловатые, глубоко въевшиеся знаки, складывающиеся в одну понятную и страшную фразу: НЕ ДАЙ ИМ НАЙТИ КОРЕНЬ.

Глава 3

Утром в сектор вошла Канцелярия Забытых Формуляров.

Их прибытие не сопровождалось сиренами или грохотом тяжелой техники, но воздух в узких проходах между трущобами мгновенно изменился, став стерильным, едким и тошнотворно-чистым — так пахнет операционная за секунду до первого разреза. Отряд двигался абсолютно беззвучно, слаженно, будто единый механизм, а не группа людей. На них были белоснежные, непромокаемые костюмы из плотного полимера, плотные стерильные перчатки и совершенно гладкие глянцевые маски без прорезей для глаз и ртов, отражавшие тусклый свет гигантских кабелей, свисавших с потолка сектора. В руках патрульные сжимали тяжелые огнеметы со специальными резервуарами, заправленными шипящей смесью жидкого растворителя и концентрированного тонера. Они зачищали район от «заразной информации» с методичной, механической жестокостью, не задерживаясь ни на секунду дольше положенного.

— Сжигайте бумаги! Извлекайте диски! — раздавался из скрытых динамиков старшего чиновника сухой, синтетический голос, лишённый любых человеческих интонаций, будто зачитывающий давно заученный список покупок.

Дан успел шмыгнуть в узкий технологический зазор и спрятался за высокой грудой старых, покрытых пылью системных блоков. Пыль набилась в горло, и он с трудом сдержал кашель, прижав ладонь ко рту. Сквозь щель между пластиковыми панелями он с замиранием сердца наблюдал за происходящим, чувствуя, как собственное сердце бьется где-

то у самого горла. На его глазах чиновник в белом костюме подскочил к старому торговцу, торговавшему нелегальным антиквариатом, и грубо выхватил из его дрожащих рук связку истлевших, пожелтевших от времени писем.

В тот самый момент, когда струя пламени и растворителя охватила бумагу, превращая ее в черную гарь, торговец с диким криком упал на колени. Он судорожно схватился за голову, корчась на загрязненном полу. Из его ушей и глазниц, прожигая кожу, потекла подпаленная, дымящаяся лимфа, смешанная с темными ошметками тонера. Торговец бился в конвульсиях до тех пор, пока письма окончательно не превратились в пепел, после чего замер без дыхания — и наступившая тишина показалась Дану страшнее самого крика.

«Люди связаны с текстами, — с удушающим ужасом понял Дан, сжимая кулаки и ощущая, как ржавчина под кожей начинает гореть огнем, будто откликаясь на увиденное. — Они не просто уничтожают файлы. Уничтожая запись, они выжигают часть живого человека». Мысль эта была настолько дикой и настолько очевидной одновременно, что у него на мгновение помутилось в глазах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.